

ТАЙФУН

Глава 1

Бесстрастная физиономия Макуира, капитана парохода «Нань-Шань», в точности отражала его внутренний облик: ничто в ней не указывало на особенную твердость характера или явную глупость. Заурядное, невыразительное лицо шкипера не обладало ни одной ярко выраженной чертой.

Единственное, на что могла порой указывать его внешность, — это, пожалуй, легкая застенчивость. В деловых конторах на берегу капитан, загорелый и улыбающийся, обычно сидел опустив взгляд. Когда же он поднимал голубые глаза, то смотрел прямо и открыто. Его тонкие светлые волосы обрамляли лысый купол черепа от виска до виска пушистой шелковой каймой. Морковно-рыжие усы напоминали щетку из медной проволоки, ровно обрезанную над верхней губой. Как бы старательно он ни брился, огненно-металлические отблески пробегали по щекам капитана всякий раз, как он поворачивал голову. Росту он был чуть ниже среднего, немного сутуловат и настолько крепко сложен, что любая одежда, казалось, сидит на нем слишком плотно. Словно не в силах постичь различия в климате разных широт, он всегда носил коричневый котелок, коричневатого оттенка костюм и грубые черные башмаки. Это береговое одеяние придавало его плотной фигуре

неестественный, нелепо шегольский вид. В жилетную петлю он продевал тонкую серебряную цепочку от карманных часов, а сходя на берег, всегда сжимал в крепком волосатом кулаке ручку элегантного зонта-трости, самого высшего качества, и всегда несвернутого. Провожая капитана к трапу, молодой Джакс, его старший помощник, с величайшей заботливостью произносил: «Разрешите, сэр» — и, почтительно завладев зонтом, аккуратно встряхивал складки, в мгновение ока сворачивал его и протягивал капитану. Все это он проделывал с такой важной миной, что старший механик Соломон Раут, куривший у люка свою первую утреннюю сигару, отворачивался, чтобы скрыть улыбку. «Ах да! Вечно этот зонт... Спасибо, Джакс, спасибо», — с чувством благодарил помощника капитан Макуир, не поднимая глаз.

Обладая ровно таким запасом воображения, какого хватало на каждый новый день, он был спокоен и уверен в себе и по той же причине ничуть не тщеславен. Начальство становится обидчивым, властным и придиричивым именно от избытка воображения, а всякое судно, каким командовал капитан Макуир, представляло собой плавучий оплот гармонии и мира. По правде говоря, он был так же не способен отдаться полету фантазии, как не может часовщик собрать хронометр, располагая из инструментов только двухфунтовым молотком и ручной пилой. Однако даже в скучной жизни людей, всецело поглощенных повседневной рутинной, есть место тайне. Например, в случае с Макуиром трудно было понять, какие таинственные силы заставили вполне примерного сына мелкого лавочника из Белфаста сбежать в море. А ведь именно это он сделал в пятнадцатилетнем возрасте. Размышляя о таких вещах, невольно представляешь себе огромную мощную невидимую руку, которая просовывается в земной муравейник, хватая людей за плечи,

сталкивает лбами, увлекает ничего не подозревающих жертв на неведомые пути, заставляя стремиться к немислимым целям.

Отец так и не простил ему глупой прихоти. «Мы бы обошлись без Тома, — говаривал впоследствии оскорбленный родитель, — да у нас ведь торговое дело, а он — наш единственный сын!» Мать после его исчезновения выплакала все глаза. Поскольку мальчишке не пришлось в голову сообщить о своих планах, его оплакивали как умершего, и лишь через восемь месяцев пришло первое письмо из Талькауано. Весьма лаконичное послание содержало следующее утверждение: «Погода во время плавания стояла отличная». Однако на самом деле для автора письма имел значение лишь один факт: в тот самый день, когда оно было написано, капитан внес его в ведомости судовой команды матросом второго класса. «Потому что я умею работать», — объяснил он. Мать вновь горько расплакалась, а отец выразил свои чувства короткой фразой: «Наш Том — осел». Отец был мужчина представительный и любил исподтишка подтрунивать над людьми. Он до конца своих лет применял такой тон по отношению к сыну, которого жалел, считая дурачком.

В силу обстоятельств навещать домашних у Макуира получалось редко, и в течение долгих лет он отправил родителям множество других писем, в которых сообщал о своих карьерных успехах и передвижениях по земному шару. В посланиях встречались такие фразы: «Здесь стоит невероятная жара» или: «В четыре часа пополудни на Рождество мы повстречались с айсбергами». Постепенно старики узнали названия многих судов, имена шкиперов, которые ими командовали, шотландских и английских судовладельцев, названия морей и океанов, проливов и мысов, выучили чужеземные наименования портов, известных своей древесиной,

хлопком или рисом, названия островов, имя его молодой жены. Ее звали Люси. Они так и не поняли, считает ли он это имя красивым. А потом родители умерли.

В свое время наступил великий день, когда Макуир получил в командование свой первый корабль, а вскоре и великий день его свадьбы.

Все эти события произошли задолго до утра, когда капитан Макуир, стоя в штурманской рубке парохода «Нань-Шань», наблюдал падение барометра, которому не имел оснований не доверять. Принимая во внимание надежность прибора, время года и положение судна на земном шаре, падение барометра носило зловеще-пророческий характер, однако загорелое лицо капитана не выражало ни малейшего волнения. Он не верил в пророчества и был решительно не способен понять их зловещий смысл, пока они не исполнятся под самым его носом. «Да, несомненно, упал, — подумал капитан. — Видно, быть скверной погоде».

«Нань-Шань» шел с юга в порт Фучжоу с кое-каким грузом в нижнем трюме и двумя сотнями китайских кули*, которые возвращались в свои родные деревни в провинции Фуцзянь, проработав несколько лет в различных тропических колониях.

Утро выдалось ясное. Маслянистое тусклое море волновалось, а в небе висело странное белесое пятно, похожее на нимб вокруг солнца. На баке, забитом китайцами, мелькали темные одежды, желтые лица и косички, поблескивали там и сям обнаженные плечи — ветра не было, и стояла удушающая жара. Кули валялись на палубе, болтали, курили, глядели за борт, иные, набрав воды, плескали друг на друга. Некоторые спали

* Кули — работники, нанимаемые в качестве дешевой рабочей силы в густонаселенных китайских провинциях.

на люках, другие сидели небольшими группками на корточках вокруг железных подносов с тарелками риса и крошечными чайными чашечками. Каждый житель Поднебесной империи вез с собой все имущество — деревянный сундучок с висячим замком и медной обшивкой по углам, где хранил плоды своих трудов: нарядную одежду, ароматические палочки, быть может, немного опиума, какие-то дорогие его сердцу безделушки и маленькую кучку серебряных долларов, заработанных на угольных шаландах, выигранных в игорных домах или нажитых мелкой торговлей, вырытых из земли, добытых непосильным трудом на рудниках и железных дорогах, в смертельно опасных джунглях, терпеливо собранных, заботливо охраняемых, неистово любимых.

Часов в десять от залива Формоза пошла поперечная зыбь, не слишком потревожившая пассажиров, поскольку «Нань-Шань», с его плоским дном, боковыми килями и широкими бимсами, отличался исключительной устойчивостью. В минуты душевного подъема за кружкой пива на берегу Джакс громогласно заявлял, что «Нань-шань» — лучший из лучших во всех восточных морях. Капитану Макуиру никогда бы не пришло в голову выражать свое благосклонное мнение о корабле столь шумно и высокопарно.

Судно, несомненно, было хорошее и совсем не старое: ему не исполнилось и трех лет. Его построили в Дамбартоне по заказу торговой фирмы из Сиама «Сигг и сын». Спустив на воду совершенно законченное и готовое приступить к работе судно, строители созерцали его с гордостью.

— Сигг просил нас найти надежного шкипера, — заметил один из компаньонов.

— Если не ошибаюсь, Макуир сейчас не у дел, — подумав минутку, сказал другой.

— В самом деле? В таком случае телеграфируйте ему немедленно. Он лучший в своем деле, — тотчас заявил старший компаньон.

Наутро перед ними предстал невозмутимый капитан Макуир, прибывший из Лондона с полуночным экспресом после внезапного, однако довольно сдержанного прощания с женой. Она была из хорошей семьи и знавала лучшие дни.

— Давайте осмотрим судно, капитан, — предложил старший компаньон, и трое мужчин отправились любоваться совершенством «Нань-Шаня» с носа до кормы и от киля до клотиков двух приземистых мачт.

Капитан Макуир начал с того, что повесил свой сюртук на край парового брашпиля, воплотившего в себе последнее слово техники.

— Мой дядя дал о вас самый благоприятный отзыв в письме нашим добрым друзьям, господам Сигг, — сообщил младший партнер. — Не сомневаюсь, что они оставят командование за вами. Вам выпала честь командовать лучшим судном своего класса, которое плавает у берегов Китая.

— Да? Благодарю вас, — промямлил Макуир, на которого эта прекрасная перспектива произвела не большее впечатление, чем красота равнинного ландшафта на подслеповатого туриста.

Он на секунду остановил взгляд на дверном замке одной из кают, затем приблизился к двери и энергично задергал ручку, негромко и очень серьезно приговаривая:

— Никому нельзя доверять. Замок новехонький, а никуда не годится. Заело. Видите? Видите?

Как только компаньоны вернулись в контору, племянник с легким презрением заметил:

— Вы расхваливали этого типа перед Сиггами. Что вы в нем нашли?

— Согласен, он не похож на морского волка, какими ты себе их представляешь. Ты это хотел сказать? — отрезал старший компаньон. — Где бригадир столяров?.. Входите, Бейтс. Как это вы позволили поставщику подсунуть нам неисправный замок? Капитан сразу заметил. Немедленно замените. Знаете, Бейтс, маленькая соломинка...

Замок сменили, и несколько дней спустя «Нань-Шань» отправился на Восток. Капитан Макуир не сделал больше ни одного замечания и не проронил ни единого слова, указывающего на то, что он гордится своим судном, благодарен за назначение или доволен видами на будущее.

Он не был ни словоохотлив, ни молчалив, просто поводов для разговоров находилось не так много. Разумеется, ему приходилось исполнять свои обязанности: отдавать распоряжения, приказы и тому подобное, — однако возвращаться к прошлому он не любил, как и заглядывать в будущее, а ежедневная рутина не требовала пространных комментариев, поскольку факты говорили сами за себя.

Старому мистеру Сиггу нравились немногословные люди, которым не придет в голову проявлять инициативу и нарушать инструкции. Макуир, как нельзя лучше удовлетворявший этим требованиям, остался капитаном и начал водить «Нань-Шань» по китайским морям. Судно вышло под британским флагом, однако через некоторое время владельцы сочли удобным переменить его на сиамский.

Узнав эту новость, Джакс потерял покой, будто ему нанесли личное оскорбление. Он ходил по пароходу, ворча что-то себе под нос и презрительно посмеиваясь.

— Только представьте себе этого нелепого слона с Ноева ковчега на флаге судна! — крикнул он однажды

в дверь машинного отделения. — Черт побери, я этого не вынесу! Я откажусь от места! Вас от этого не тошнит, мистер Раут?

Старший механик только откашлялся с видом человека, знающего цену хорошему месту.

В первое утро, когда новый флаг взвился над кормой «Нань-Шаня», Джакс печально уставился на него с мостика. Несколько минут он боролся со своими чувствами и, наконец, с горечью заметил:

— Странно ходить под таким флагом, сэр.

— А что не так с флагом? — удивился капитан Макуир. — По-моему, все в порядке.

Он прошел на край мостика, чтобы получше разглядеть флаг.

— А мне он кажется странным! — взволнованно выпалил Джакс и умчался с мостика.

Капитана Макуира поведение помощника весьма озадачило. Через некоторое время он спокойно прошел в штурманскую рубку и открыл Международный свод сигналов на той странице, где выстроились пестрыми рядами флаги всех стран. Проводя пальцем по рядам, он дошел до сиамского и внимательно всмотрелся в красное поле с белым слоном. Ничего не могло быть проще, однако, желая убедиться, он вынес книгу на мостик, чтобы сравнить рисунок с настоящим флагом, развевающимся над кормой. Когда Джакс, исполнявший в тот день свои обязанности со сдержанной яростью, вышел в следующий раз на мостик, капитан спокойно произнес:

— С флагом все в порядке.

— Правда? — пробормотал Джакс, падая на колени перед рундуком с палубными принадлежностями и злобно извлекая оттуда запасной лотлинь.

— Да, я проверил по книге. В длину вдвое больше, чем в ширину, и слон в самом центре. Ясное дело, эти

береговые должны знать, как делать местный флаг. Вы ошиблись, Джакс...

— Послушайте, сэр, — возбужденно вскочил Джакс, — я всего лишь хотел сказать...

Он дрожащими руками нашупал конец линия.

— Ничего страшного! — успокоил его капитан Макуир, усаживаясь на свой любимый складной стульчик из парусины. — Просто поглядывайте, чтобы матросы с непривычки не подняли слона вверх ногами...

Джакс швырнул новый лотлинь на бак и гаркнул:

— Держите, боцман! Не забудьте его хорошенько вымочить!

Затем он решительно повернулся к капитану, однако тот, непринужденно облокотившись на поручень, продолжал:

— Потому что, полагаю, это могли бы расценить как сигнал бедствия. Как вы думаете? Наверное, этот слон для них такой же важный символ, как союзный гюйс на английском флаге...

— Неужели? — взревел Джакс так громко, что все головы на палубе повернулись к мостику.

Он вздохнул и, неожиданно сдавшись, покорно сказал:

— Да, зрелище было бы чертовски прискорбное.

Позже он доверительно обратился к старшему механику:

— Послушайте-ка, что еще выкинул наш старик.

Соломон Раут (чаще именуемый длинным Солом, стариной Солом или папашей Раутом) практически всегда оказывался выше всех ростом на борту любого корабля, где служил, а потому приобрел привычку неторопливо и снисходительно наклоняться к собеседнику. Волосы у него были редкие, пшеничного цвета, щеки плоские и бледные, руки худые, длинные и тоже